

Топонимия дельты Северной Двины по историческим источникам XV–XIX вв.

Задача изучения топонимии отдельных микротерриторий связана с общей культурологической идеей создания своеобразного топонимического “мемориала” России (см.: Материалы 1994). Кроме того, как показано уже в ряде работ, изучение топонимии микрорегионов важно не только с исторических, но и с собственно лингвистических позиций. Это особенно верно для территории русского Севера, где в силу отраженной в топонимии специфики древних этнических и языковых контактов микрорегиональный подход не просто важен, но и необходим. Подробное обоснование его принципов и постановка задач даны А.К.Матвеевым (Матвеев 1989).

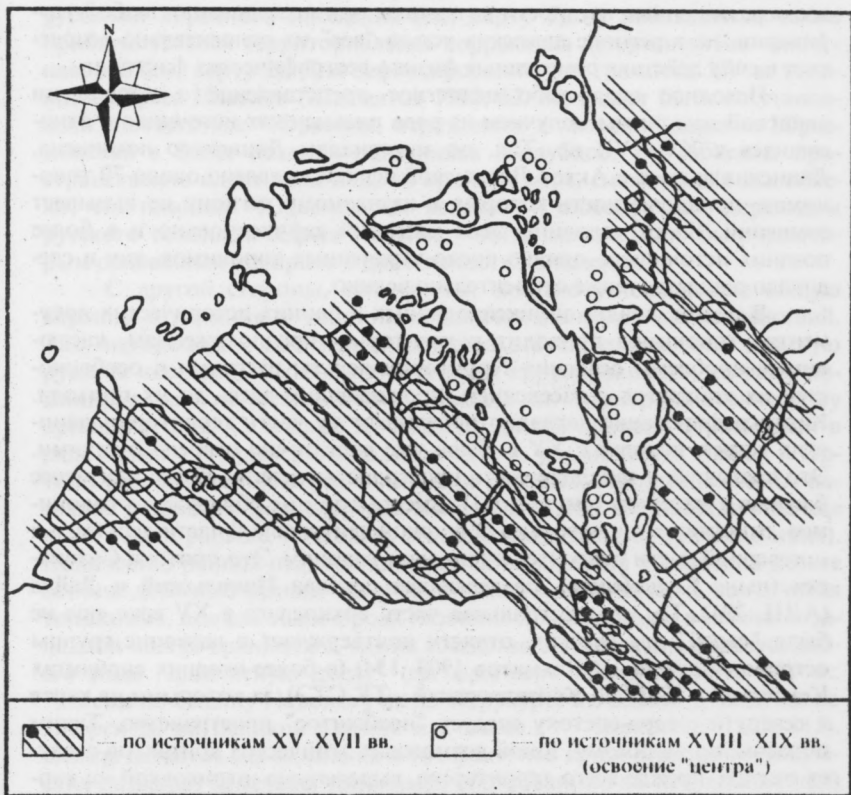
Общепризнано, что анализ исторических источников представляет собой неотъемлемую часть топонимического исследования, которая с необходимостью предшествует этимологическому анализу и частично задает его “координаты”. В попытке такого доэтимологического анализа микрорегиональной топонимии и заключается цель настоящей статьи. В качестве основного метода на этом этапе исследования используется картографирование, позволяющее выявить некоторые общие закономерности функционирования топонимии региона. При этом основное внимание уделяется проблеме соотношения разных по происхождению топонимических пластов (русского и субстратного – дорусского), которая связана с особенностями заселения региона и освоения его русскими.

Изучаемый микрорегион – дельта реки Северная Двина. Территория дельты естественно ограничена с юга, востока и запада побережьем материка, с севера – морем. Необходимо отметить, что ретроспективное исследование топонимии региона во многом возможно лишь благодаря достаточно большому количеству источников, что выгодно отличает эту территорию от многих других. Сохранились морские карты XVII–XIX вв., картографические материалы российских ведомств и ведомств Архангельской губернии и города Архангельска; изданы исторические документы, создававшиеся на территории Подвинья в XV–XVII вв. Наконец, топонимической экспедицией Уральского университета в 1993 г. был проведен сплошной полевой сбор топонимии двинских устьев, что позволяет соотносить факты прошлого с современными данными.

С географической точки зрения основное пространство двинской дельты занимает крупный архипелаг островов, тянущийся от Архангельска к северо-западу, северу и северо-востоку на 30–40 километров.

Минуя острова, Северная Двина выходит в Двинский залив Белого моря несколькими большими и малыми устьями. По данным современных карт и полевых записей, архипелаг включает более 250 островов. Соответственно велико число разделяющих острова крупных и мелких протоков, а также рек, ручьев, отмелей, речных заливов. В целом, сложность географического пространства дельты очень высока – это, по свидетельствам участников экспедиции, отмечают даже информанты, родившиеся и выросшие здесь. Обращение к истории показывает, что особенно значительной эта сложность оказывалась в глазах “пришельцев”. Так, моряки из Голландии, издавна славившиеся своей картографией, в XVII в. пользовались невероятно искаженной картой двинских устьев, на которой почти вся их территория представляла собой “белое пятно” с выразительной надписью “Прерывистая земля” (см.: Рейнеке 1883, 474). Наряду со сложностью, важнейшим качественным свойством изучаемого пространства является его изменчивость, также обусловленная прежде всего физико-географическими факторами. Исследование причин и характера этой изменчивости было предпринято еще в 1832 г. замечательным русским ученым-гидрографом М.Ф.Рейнеке, посвятившим двинским устьям отдельную главу своей книги (Рейнеке 1883). Опираясь на данные карт XVIII – начала XIX вв., Рейнеке подробно описывает происшедшие за это время изменения глубины и ширины протоков, очертаний и размеров островов, а также приводит примеры полного исчезновения объектов и появления новых. Общий комментарий исследователя таков: “Итак, изменение берегов и глубин реки Двины не подлежит сомнению. Причиною тому – подмывка берегов и осадка песку, приносимого постоянно с верха реки, и особенно разрушительное действие льда при вскрытии реки... мы видим, что если где-либо срезан берег, то на противоположной стороне является кошка, отмель, потом остров, или прирастает низменное забережье...” (Там же, 488).

Подробно останавливаться на этой особенности региона придется по ряду причин. Во-первых, часть топонимов как русского, так и субстратного происхождения, по-видимому, утрачена вместе с исчезнувшими географическими объектами, хотя письменные источники и старые карты в какой-то мере восполняют эту утрату. Во-вторых, сложность и изменчивость дельты приводили к активным метонимическим процессам в топонимии. Исторические документы дают немало примеров, когда при отсутствии фиксации основного названия сохраняются его метонимические производные (*Легострѡвка*, р. < **Легостров* – не исключено, конечно, что восстановленные таким образом топонимы могут быть найдены в каких-либо источниках в ходе дальнейшего исследования). И в-третьих, затруднены некоторые аспекты семантического анализа топонимии. В частности, довольно сложно установить “местное” терминологическое значение ряда слов. Так, термин

карта 1. Топонимия дельты Северной Двины
по историческим источникам XV-XIX вв.

курья, будучи широко распространенным на территории дельты, называет различающиеся объекты: протока, речка, ручей, залив. Конечно, все перечисленные трудности возникают при исследовании любой территории, но в регионе двинских устьев "вес" их относительно возрастает в силу действия отмеченных физико-географических факторов.

Исходное сколь-либо целостное представление о топонимии двинской дельты мы получаем из ряда письменных источников, относящихся к XV–XVII вв. Так, по материалам Двинского летописца, Двинских грамот и Актов Лодомской церкви выявлено около 70 топонимов, принадлежность которых к изучаемому региону не вызывает сомнений. Более половины этих названий зафиксировано и в более поздних источниках, однако число утраченных топонимов, как и следовало ожидать, также относительно велико.

В целом, анализ зафиксированных в ранних исторических документах топонимов приводит к некоторым предположениям, касающимся проблемы освоения территории дельты русскими и особенностей их контактов с населением, проживавшим здесь до их прихода. Картографирование наглядно показывает ту часть территории двинских устьев, которая к XV в. была уже достаточно освоена русскими. Это восточная и западная части пространства дельты, более или менее близкие к материку (см. карту 1). Вместе с тем не обнаружено топонимов, относящихся к довольно обширной центральной части дельты, а к ее северной части относится лишь один топоним. Это протока **Солоко-ски** (ныне **Солоко́цкая**), разделяющая острова **Никольский** и **Лайда** (АЛЦ, 291). То, что центральная часть архипелага в XV веке еще не была "своей" для русских, отчасти подтверждает и название группы островов **Конечные** (Шахматов 1903, 134) (в более поздних вариантах **Конешный** – КУРСД, **Конецдворский** – ТК СТЭ), за которыми на карте к северу и северо-востоку следует "необжитое" пространство. Таким образом, по-видимому, зоной возможных этнических контактов следует считать прежде всего территорию, выделенную штриховкой на карте 1.

Однако при попытке характеристики этих контактов на основе топонимического материала мы сталкиваемся с определенными противоречиями. С одной стороны, налицо некоторые важные и конкретные свидетельства смежного проживания и взаимодействия "пришлого" и коренного населения дельты. К ним можно относить следующие факты: 1) освоенная русскими топонимия субстратного происхождения в XV–XVII вв. представлена достаточно широко (в соотношении, близком к равному с собственно русской); 2) в регионе двинских устьев неоднократно отмечены этнонимические названия, указывающие на присутствие одного из финно-угорских народов (XV в.: **Корельско Наволок** (Шахматов 1903, 133), **Корельское Устье** (ДЛ, 169), позднее деревня **Корелы** (КУРСД)); 3) на территории дельты зафиксировано 11

полукалек (с детерминантами **-остров, -наволок**), свидетельствующих о возможном этапе двуязычия, предшествовавшего полной ассимиляции русскими коренного населения (см. карту 2); 4) наблюдается также приблизительная территориальная корреляция детерминантов **-мин / -наволок** (см. карту 2). Для зафиксированного в грамотах XV в. топонима **Юрьев Наволок** (Шахматов 1903, 62, 66) может быть восстановлено соответствие ***Юрьемин**, отраженное в названии деревни **Юрьеминская** в более поздних источниках (Голубцов, 14) (объекты пространственно идентичны или, по крайней мере, смежны). Не исключено, что топоним ***Юрьемин** мог являться и своеобразным переводом русского топонима **Юрьев Наволок** – тогда можно было бы с некоторым основанием говорить о длительности контактов.

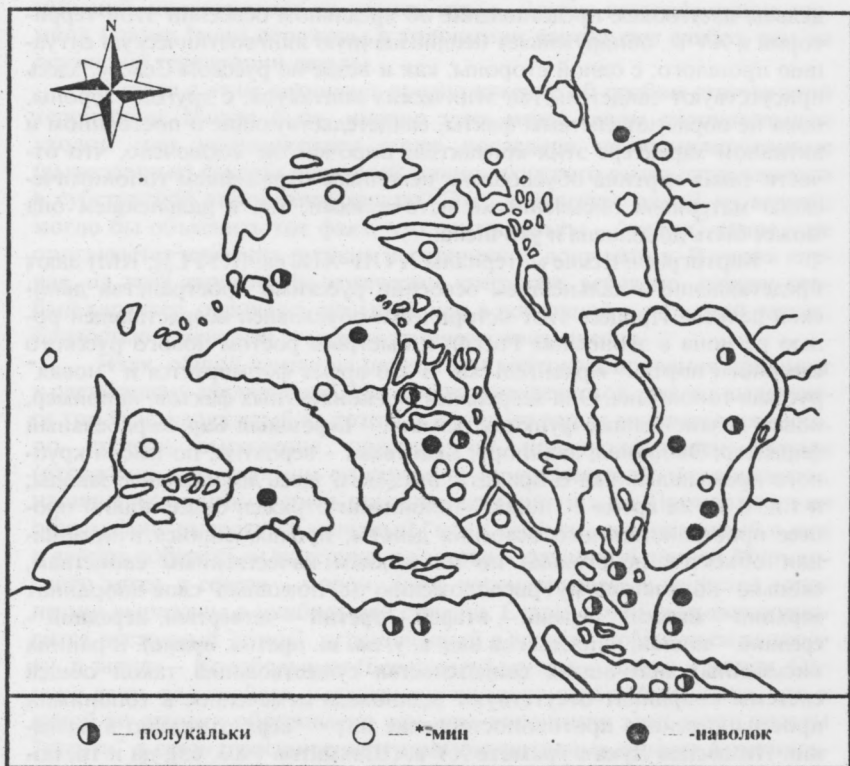
С другой стороны, есть факты, заметно усложняющие общую картину отражения в топонимии лингвоэтнических взаимодействий. Так, исторические документы свидетельствуют о том, что зачастую русские поселенцы оказываются в роли первопроходцев, широко номинируя многие осваиваемые объекты по отантропонимическому принципу. Для XV и даже XVI вв. это живой процесс, отраженный в ряде грамот. К примеру, в грамоте 1516 г. упоминаются **Анфал** и **Ортем Григориев сын Калцин**, с именами которых, вероятно, связаны названия острова **Анфал** и деревни **Кальчино** (АЛЦ, 406, 408) (данное еще в XV в. или раньше, поскольку в имени представлено три поколения). Количество ранних отантропонимических названий в двинской дельте вообще довольно велико – они составляют почти четверть всего числа топонимов, причем такого рода названия локализованы в южной и западной частях архипелага, где их соседство с субстратом образует своего рода “шахматную доску” (ср. фрагмент текста грамоты XV в.: “...межа по Савину Наволоку да по Карукуре на Олексину Воду да по Иворги да на Великои Ситник и к морю...” – Шахматов 1903, 115). Нельзя оставить без внимания и тот факт, что среди отантропонимических названий отмечены топонимы, образованные по нетрадиционной для русского языка номинативной модели – **Анфал** и **Нестер** (острова) (АЛЦ, 7), **Симон** (ручей) (Шахматов 1903, 65), относящиеся также к западной части устья. Не суть ли они следы влияния субстратной модели?

Есть еще один важный факт, требующий особого осмысления. Материалы исторических памятников, а также и более поздние материалы не подтверждают сколько-либо широкого и систематического отражения в топонимии дельты субстратной географической терминологии. На отсутствие такого отражения по-своему обратил внимание еще М.Ф.Рейнеке. Характеризуя водные объекты двинского устья, куда он прибыл после экспедиции в Мезенский залив, Рейнеке не без некоторого удивления отмечал: “Каждый из этих протоков имеет собственное название и слывет отдельною рекою или речкою, смотря по величине.

Хотя справедливо было бы называть эти протоки висками, что в Мезенском уезде означает "ручей, речка, проток, соединяющий две реки" (Рейнеке 1883, 348–349). Исторические документы также свидетельствуют о том, что поморы часто пользовались привычными русскими терминами (XV в.: **Воганова Речка**, **Михсев Берег** и т.д. – Шахматов 1903, 62, 116) и попав в новые условия хозяйствования, связанные с морскими промыслами, называли принадлежащие им участки моря так же привычно – **тоня**, или, более неопределенно, **вода** (XV в.: **Левкова Вода**, **Олексина Вода** – Шахматов 1903, 114, 115) – факт, отражающий, возможно, заполнение "пустого терминологического пространства" средствами русского языка. По данным материалов XV–XVII вв., географические термины субстратного происхождения в топонимии двинской дельты единичны (по 1–2 фиксации). Относительно поздние источники добавляют к этим цифрам не более чем еще по 1–2 фиксации. Исключение составляет лишь часто встречающийся термин **курья**, но в связи с его широкой и ранней распространенностью на русском Севере вообще, нельзя однозначно относить усвоение поморами этого термина именно к территории двинских устьев. Существует вероятность того, что **курья** была "принесена" русскими на эту территорию с материка и служила средством частичного калькирования и создания новых топонимов (XV в.: **Тойпокурья**, **Рыбовля Курья** – Шахматов 1903, 62, 65). Возможно, относительно высокая частотность этого термина явилась результатом аттракции или совпадения ранее известного русским поселенцам слова с географическим термином "местного" употребления. Не проясняет ситуацию и картографирование термина **курья**, обнаруживающее лишь то, что ареал термина (по всем источникам, включая полевые записи) почти точно совпадает с ареалом раннего русского освоения дельты и имеет высокую плотность в юго-западной ее части.

Не вполне однозначна и ситуация с термином **ко́шка**, который не зафиксирован в ранних исторических источниках ни в составе топонимов, ни в самостоятельном употреблении. Однако он часто встречается на картах XVIII–XIX вв. (КУРСД; КМ), а также в материалах топонимической экспедиции, проявляя при этом точное терминологическое значение 'затопляемая приливом и обсыхающая мель'. Ареал термина наиболее плотен также в западной части дельты, то есть в целом совпадает с зоной раннего русского освоения и ареалом **курьи**. Тем не менее, в связи с отсутствием ранних фиксаций какие-либо интерпретации этих фактов, по-видимому, преждевременны.

Таким образом, отражение субстратной географической терминологии в топонимии двинской дельты можно считать слабым и несистематическим. Это, казалось бы, ведет к предположению о недостаточной активности, непродолжительности или узкой локализации эт-

карта 2. Дельта Северной Двины: распределение полукалек и детерминантов *-мин / -наволоч

нических контактов. Однако рано делать какие-либо выводы, поскольку необходим, по меньшей мере, еще и анализ лексического материала.

Итак, наиболее ранний исторический срез топонимии двинской дельты дает общее представление об ареальном освоении этой территории к XV в., обнаруживает неоднозначную лингвоэтническую ситуацию прошлого: с одной стороны, как и везде на русском Севере, здесь присутствуют свидетельства этнических контактов; с другой стороны, пока не образуют системы факты, свидетельствующие о постоянном и активном характере этих контактов. Впрочем, не исключено, что отчасти такая картина обусловлена неполным отражением топонимического материала письменными источниками, т.е. в дальнейшем она может быть дополнена и уточнена.

Картографические материалы XVIII–XIX вв. (КУРСД; КМ) дают представление о дальнейшем освоении русскими пространства двинской дельты. Процесс этот исторически обусловлен возрастающей ролью региона в экономике России и быстрым ростом нового русского северного порта – Архангельска. В это время формируется и “новая” русская топонимия. Она закрепляет ряд конкретных фактов, например, новые хозяйственные функции региона – **Берёзовый Бар**, корабельный фарватер; **Экономия**, аванпорт; **Брантовка** – вероятно, по имени крупного промышленника В.Брандта, имевшего здесь лесопильные заводы; и т.п. В то же время в “новой” топонимии отражен более общий процесс пространственного освоения дельты, проявляющийся в номинации объектов не столько по их особым качественным свойствам, сколько по взаимному расположению (с помощью слов-координат **верхний – нижний, первый – второй – третий – четвертый, передний – средний – задний**, и предлогов **под, в, у, на, за, против, прямо**). В ранних письменных источниках свидетельства существования такой общей системы координат отсутствуют (единожды отмеченное в топонимии пространственное противопоставление **низ – *верх** отражено в названии **Низовская Лука** в грамоте XV в. (Шахматов 1903, 65); да и то, по видимому, точкой отсчета служит река Двина, а не собственно ее устье. Ср. также: **Рыболовля Курья** (XV в. – Шахматов 1903, 65) и более позднее **Нижняя Рыболовка, Верхняя Рыболовка** (КУРСД).

В XVII–XIX вв. осваиваются центральная и северная части дельты, где карты фиксируют корпус новых топонимов, в большинстве своем русского происхождения (см. карту 1). Вместе с тем здесь отмечен и ряд субстратных названий (чуть более десятка), что, казалось бы, позволяет усомниться в принципиальной верности той картины раннего русского освоения устья, которая представлена на карте 1. Однако общий взгляд на субстратную топонимию центра и севера дельты выявляет ряд ее особенностей, по-новому возвращающих нас к результатам картографирования. Субстратные топонимы центра морфологически не адаптированы, тогда как в остальной части устья топонимия в

значительной мере подверглась разным видам русской адаптации. Здесь не зафиксировано ни одной полукальки; детерминант *-мин* не коррелирует с *-наволок*. Эта территория почти свободна даже от номинаций, опирающихся на термин *курья*. Другие географические термина (кроме **мин*) отражены в топонимии центра еще слабее, чем на остальной территории дельты.

В связи с этим возникает предположение об особом статусе этой территории. Может быть, именно здесь перед своим окончательным уходом или исчезновением жили последние неассимилированные (вытесненные) группы носителей финно-угорского языка, отраженного в субстратной топонимии дельты? Это, в качестве одной из версий, могло бы объяснить тот факт, что центр дельты – “чужая” земля – не описывается в ранних русских исторических документах. В таком случае, на этой территории этнические контакты, вероятно, носили особый характер, отличаясь меньшей, чем в восточной и западной частях, близостью и меньшей степенью этнического смешения.

Итак, общий взгляд на результаты картографирования приводит к следующему заключению. На территории двинской дельты выделяется три участка, каждый из которых обладает рядом системных свойств, по степени выражения которых он противопоставлен другим (отражение в топонимии субстратной географической терминологии, наличие полукалек, степень русской адаптации и т.д.). Прежде всего на общем фоне выделяется западный “клин” дельты, ограниченный с юга и запада побережьем материка, с востока – срединной линией Мурманского устья, с севера – морем. Здесь рассматриваемые свойства топонимии выражены в наибольшей степени. С этой зоной дельты соотносится восточный “клин”, ограниченный с востока побережьем материка, с запада – Корабельным (Березовым) устьем, с севера – морем. Однако здесь ряд свойств выражен значительно слабее (возможно, это в какой-то степени обусловлено тем, что топонимия этой части дельты “стерта” в связи с расширением административных границ Архангельска и довольно ранним превращением ее в промышленную, судоходную и торговую зону). Наконец, особое положение занимает центральный участок дельты, где отсутствуют почти все качества, присущие топонимии остальной территории. Такая картина, несомненно, отражает как особенности пространственно-временного освоения дельты, так и специфику лингвоэтнической ситуации, сложившейся на этой территории в прошлом. Пока можно предполагать, что зоной относительно постоянных и активных этнических контактов могли являться восточная и западная части дельты, хотя и здесь они, вероятно, в чем-то различались. В центре же этнические контакты были принципиально другими. Дальнейшее исследование позволит проверить и уточнить воспроизведенную картину.

Матвеев А.К. Субстратная микротопонимия как объект комплексного регионального исследования // Вопросы языкознания. 1989. № 1. С. 77–85.

Материалы для изучения сельских поселений России: Докл. и общ. третьей науч.-практич. конф. "Центральночерноземная деревня: история и современность". Воронеж, 1994. Ч. 1: Язык и культура.

Рейнке М.Ф. Гидрографическое описание Северного берега России. СПб., 1883.

Шахматов А.А. Исследование о двинских грамотах XV века. СПб., 1903.

И.С.Просвирнина

К вопросу о членимости / связанности составных наименований в русской топонимии

Русские географические названия не исчерпываются однословными с одним корнем номинациями (типа **Москва́**, **Березни́кий** и др.). Структура топонима может быть двух- или трехсловной, включать в себя четыре–пять слов. При объединении компонентов таких расчлененных структур возникает словосложение. Но тогда как во многих языках словосложение является основным приемом топониминации, в русском языке композитные топонимы – чаще вторичные сращения разного рода (**Черногря́зи**, **Белоя́рка** и др.) либо кальки с финно-угорских или тюркских языков (типа **Кре́стозеро**). Соответственно в русской топонимии, а особенно в микротопонимии, распространены многочленные структуры (**Больше́е Су́слово**, с.; **Га́льской За Ре́чкой**, руч.; **Бережо́к По́ниже Кобы́льей Я́мы**, покос), в которых топоним разветвляется в большинстве случаев за счет определяющей части.

Наиболее распространенная и продуктивная форма составного топонима – субстантивное словосочетание, в котором со стержневым компонентом – существительным – согласовывается прилагательное, определяющее, дифференцирующее объект. Такой же тип топонимов в агглютинативных языках Г.Е.Корнилов называет "атрибутивной синтагмой", в определяемой части которой находится "отвечающий реалиям географический номенклатурный термин" (Корнилов 1967, 123).

Однако любая структурная классификация русской топонимии, по количеству компонентов в составе топонима в том числе, будет непоследовательной, так как зависит от того, выносит ли интерпретатор